

УДК 80

**«JE VOUS JURE, МАДАМ?
ЧТО РУССКИЙ МНЕ ЯЗЫК КАК БУДТО КЛЯП ВО РТУ...»
(О ПЕТИМЕТРАХ И ИХ «ПОРЧЕ» РУССКОГО ЯЗЫКА)**

© Надежда Сергеевна КОТЯЕВА

соискатель кафедры русского языка, русской и зарубежной филологии, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: el.kotiaeva@yandex.ru

На материале текстов русских комедий второй половины XVIII века, пьес выдающихся драматургов А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, В.И. Лукина, И.А. Крылова, А.И. Клушина, Д.И. Волкова, Д.И. Хвостова и других рассмотрена галломания. Доказано, что это языковое явление дает нам четкое представление о смешном и странном жаргоне петиметров, портящем русский язык, а между строк драматических реплик звучит страстный призыв авторов комедий – беречь чистоту и богатство русского языка, употреблять иноязычную лексику не по «буйственному пристрастию», а «нужды ради». Установлено, что в XVIII веке в различных по жанровой направленности комедиях (лирических, слезных, морализующих, антикрепостнических, политических и др.) высмеивались пороки русской действительности – в частности, подвергались осмеянию петиметры («щеголи»), излюбленным средством общения которых был русско-французский жаргон, «смешенье языков французского с нижегородским», следование во всем французской моде. Установлено, что щегольской жаргон, который широко использовался в комедиях XVIII века – это своего рода соприкосновение кодов или системная кодовая аттракция, характерные для жаргона и более поздних периодов (к примеру, современный сленг хиппи). От этого явления надо отличать факты собственно переключения кодов – иноязычные вставки.

Ключевые слова: русская комедия XVIII века; галломания; щегольской язык; культура речи; петиметры

XVIII век в России – время уникальное, когда, пожалуй, впервые на страницах литературных произведений, в частности, драматических, так остро звучит вопрос о чистоте русского языка, хаотичном наплыве иноязычных заимствований, их беспорядочном и неосознанном использовании.

Как известно, основная функция комедии, предначертанная А.П. Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве», – сатирическая: «издевкой править нрав, смешить и пользоваться – прямой ее устав». И в различных по жанровой направленности комедиях (лирических, слезных, морализующих, антикрепостнических, политических и др.) высмеивались пороки русской действительности – галломания, невежество дворян, «лихоимство», ведь «основным оружием и сатирической стрелой комедии XVIII века был яд, составляющий ударную силу русской комедии» [1, с. 18].

В пьесах выдающихся драматургов А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, В.И. Лукина, И.А. Крылова, А.И. Клушина, Д.И. Волкова, Д.И. Хвостова и других подвергались осмеянию петиметры (от фр. “petit-maitre” – «петиметр, щеголь, господинчик»), излюб-

ленным средством общения которых был русско-французский жаргон, «смешенье языков французского с нижегородским», следование во всем французской моде.

Распространению галломании, как известно, способствовала европеизация русского быта, проникновение французской культуры, литературы и особенно французских пьес на сцену театра. В популярном журнале данного времени «Живописец» даже был помещен «Опыт модного словаря щегольского наречия», в котором приводились и сатирически толковались бытовавшие в ту пору модные выражения, а самих петиметров и кокеток высмеивали за франтовство, нравственную пустоту и глупость (известна также «Сатира на употребление французских слов в русских разговорах» И.С. Баркова и мн. др.).

Так, один из героев комедии А.И. Клушина «Смех и горе» дает петиметрам такую характеристику: *«Плаксин. Вы с ног до головы похожи на машину, Котора действует через свою пружину. Когда ту заведут, лепечет и визжит, И франт теперешней так точно говорит. Bon jour mon bien, madam! ta cher! Coman vous va! Дрягает, корчитя, французски врет слова, А русского совсем не*

понимает. *Науки, ум его: в жаботах и манжетах; Неустрашимой дух: в рисованных желетах. Кто это, спросите? все франты таковы!»* [2, с. 79]. В приведенных репликах используется, в основном, новая иноязычная лексика («франт, жаботы, манжеты, желеты; машина» и др.), французские вкрапления, типичные для подобных персонажей. Отметим, что слово «франт» вошло в русский язык через славянские языки (от фамильярного образования “Frantisek”, равнозначного фр. слову), вероятно, еще в XVII веке, в значении «шут, скоморох». В XVIII веке оно развило новое значение и стало близким к слову «петиметр» – «щеголь, модник», вытеснив его. В современном русском языке слово «петиметр» является устаревшим. Слова «жаботы, желеты, манжеты» являются французскими заимствованиями, о чем свидетельствуют данные словаря («жабо, жабот», 1790 г., от фр. “jabot” – «кружевной или кисейный галстук, мужской шейный платок»; «желет», 1792 г., от фр. “gilet” – «мужская одежда без рукавов»; «манжета», 1764 г., от фр. “manchette” – «полотняное или кружевное украшение на обшлагах или у воротника; брыжи») [3]. Слово «машина» в репликах Плаксина выступает в новом, переносном значении – «о ком-, чем-л., действующем по чужой воле».

В сатирических репликах другого персонажа из этой же комедии А.И. Клушина также отражается неприязнь к петиметрам, и лексика иноязычного происхождения, как правило, используется в диалоге: «*Хохоталкин. Что мода идол их, французы – божество. Что франт премерзкое на свете существо*» [2, с. 79]. Резко сатирическая тональность высказываний свойственна речи и других персонажей, высмеивающих «Ветронов»: «*Старон. Им пища: туалет; Рассудок: модны лавки. А блеск ума: батист, митколь, лино, булавки. Вот школа их наук!*» [2, с. 74]. В репликах персонажа Старона мы находим новые иноязычные слова – «туалет, батист, лино» («батист», 1746 г., от фр. “batiste”; «лино», 1786 г., от фр. “linon” – «серпанка, лино, род тонкого полотна») [3]. Характерно, что сами петиметры в комедии считают себя образованными («педантами») и прекрасно осведомлены о том, что их образ вызывает неприязнь окружающих: «*Ветрон. Но оба мы педанты, Я знаю то, что вам не нравим-*

ся мы, франты!» [2, с. 79]. Слово «педант», 1742 г., от ит. “pedante” (лат. «воспитатель, ученый человек»).

В речевых партиях других персонажей – петиметров – Ветрона и Вздоровой – также широко употребляются новые иноязычные слова со специфическими значениями – «*клуб, маскарад, рандеву, дансер, контроданс, брильян, фижбины, лиф*». Интересна история слова «фижбины», 1740 г., – «каркас из китового уса для платья, шляпы», оно имело разные формы («фижмы, фижымы, фишбины»), являясь результатом освоения из разных этимологических источников – немецкого и др. Форма «клуб», в отличие от «клуб» – новый вариант, это редкое для данной эпохи английское заимствование 1784 г. – от англ. “club” – «общество, члены которого собираются для развлечений, деловых встреч и т. п. (в России сначала об иностр.); помещение, здание такого общества»; «лиф», 1780 г., от голл. “Lijf” – «перехват на платье около поясицы; верхняя часть платья» [3]. Слова «маскарад, рандеву, дансер» аналогично относятся к лексическим новациям данного времени (1730–1750 гг.).

В комедиях А.П. Сумарокова также высмеиваются русские «галантомы, петиметры», портящие язык, и с этим явлением, считает автор, необходимо бороться как с общественным бедствием. Так, в комедии «Пустая ссора» представлен шаржированный образец жаргона галломанов с обилием французской лексики. Диалог петиметров Дюлижа и Деламиды, о которых автор сказал, что «*петиметерка петиметра далеко видит*», представлен в гротескно-сатирическом виде: «*Деламида. Вы мне так флатируете, что уж невозможно. Дюлиж. Вы мне не поверите, что я вас адорирую. Деламида. Я этого, сударь, не меритирую*» [4, с. 344]. В другой комедии А.П. Сумарокова также употребляются слова, обычные в жаргоне франтов: «*Минодора. Что во мне манкирует и что тебе меня любить ампеширует?*» [5, с. 292]. Слово «манкировать», 1756 г., от фр. “manquer”, жарг. – «пренебречь чем-л.; недоставать, не хватить чего-л.» [3]. Характерно, что реплики петиметров, обращенные к разным персонажам, выдержаны в таком же стиле: «*Дюлиж. (Кимару) Я тебе нос касирую. Деламида. (матери) Мамер, я имею*

интенцию *ваш диспут финирировать*» [5, с. 296].

Щегольской жаргон широко используется и в комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», отразившей нравы русского мелкопоместного дворянства. Персонаж Иван смешон со своей страстью ко всему французскому, доходящей до полного *дурачества*, это интернациональный образ офранцузенного молодого человека с чертами отечественного *Иванушки-дурачка* (по определению Д. Благого). Вот примеры реплик персонажа-галломана: «*Сын. Dieu! Сколько прекрасных комплиментов; Je vous pris, не льстите мне; я помышляю его менажировать; блонды составляют голове наилучшее украшение; Матушка! довольно видеть вас с батюшкой, чтоб получить совершенную аверсию к жемидьбе*» [6, с. 12].

В дворянской среде культивировался подобный жаргон, и комедия «Бригадир» это хорошо отражает: «*Советница. Переменим речь, je vous en pris. Словом, он мне делает свой кур. Сын. Как? Он мой риваль?*» [6, с. 16-17]. Употребленные в приведенных репликах слова «блонды», «аверсия» и выражение «делать кур» – заимствования второй половины века, отмеченные в словаре эпохи [3]: «блонды, 1759 г., от фр. “blonde” – «кружева из шелка-сырца»; «аверсия», 1767 г., от фр. “aversion” – «отвращение, неприязнь к кому-л., чему-л.». Разговорно-просторечные выражения «делать кур; строить кур, куры», о которых А.С. Шишков говорил, что они из большого света переселились к купцам и купчихам, также отмечены в словаре [3]: «кур, куры», 1763 г., от фр. “cour”; «делать, строить (кур, куры)» – «ухаживать за дамой (вначале в жаргоне щеголей)». Слово «риваль» («соперник») является примером одного из иноязычных словоупотреблений, присутствующих определенным языковым группам (дву- и многоязычным дипломатам; в шаржированном языке петиметров).

Следует подчеркнуть, что вопрос о заимствованиях был актуальным еще и потому, что наплыв иноязычных слов в то время требовал быстрого осмысления нового, подчас хаотического языкового материала. И спектр его использования в массовых комедиях данного времени был необычайно широк – от употребления слов в прямом значении – до имитации иноязычной, в первую очередь,

французской речи, – явления, которое еще не получило своей квалификации в рамках теории взаимодействия кодов. По мнению исследователя А.А. Бурыкина, это своего рода соприкосновение кодов или системная кодовая аттракция, характерные для жаргона и более поздних периодов (к примеру, сленг хиппи). От этого явления надо отличать факты собственно переключения кодов – иноязычные вставки или имитации иноязычной речи в русской графике, также имеющие место в нашем материале [7; 8].

Комедия Я.Б. Княжнина «Чудаки» пронизана сатирическим пафосом, направлена против галломании, идей просветительской философии, равенства людей. Автор создает целую галерею отрицательных образов дворян. Это сентиментальный «вздыхатель» Прият, любящий трогательные романы, чудак Лентягин, легкомысленный Ветромах и другие персонажи, в репликах которых встречаем все тот же русско-французский жаргон: «*Ветромах. Je vous jure, мадам? Что русский мне язык как будто кляп во рту, Притом же очень вреден. Вы не поверите, я сколько с русским беден! По-русски разум мой так узок, невелик. А по-французски, ol que le diable m`emporte! Выходит разум мой par une grande porte*» [9, с. 36]. Существенным достижением этой комедии является легкий, живой и остроумный диалог с обилием иностранных слов: «*Пролаз. В такое время бы оделась и кокетка; Чтоб барин мой в сюртук был серенький одет! Он и теперь одет, как философский модник! Лентягина. Мне должно бы, позвав лакеев штатных*» [9, с. 70-75].

В комедиях В.И. Лукина, «теоретика русской драмы», также воспроизводится речь петиметров, звучит тревога о судьбе русского языка. Это оригинальная комедия «Мот, любовь исправленный» [10] и «Щепетильник» [11] – перевод комедии французского драматурга Р. Патю. Осуждая галломанию, автор стремится к использованию разнообразных французских слов и выражений, составляющих основу жаргона щеголей, а речь персонажа Верхоглядова похожа на реплики сумароковского Дюлижа: «*Верхоглядов. А пар дие! Рад я, что тебя вижу в добром здорье, господин Щепетильник. О! проклятый твой титул колет и дерет уши. Пожалуй, брось это варварское имя, а называйся га-*

лантерейщиком. Это будет тре-галан, и ты сам галантомом почитаться станешь» [11, с. 214-215]. Щепетильник возражает ему, и тогда Верхоглядов выдает новую чудовищную тираду: «О, фидом! на нашем языке! Вот еще какой странный экскюз! Наш язык самой зверзской и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на него добрым людям без ореру дискутировать было не можно. Кель диавле! Уж нынче не говорят риваль, а говорят солубовник. Ха, ха, ха! Какое униоранство! Ах! эти слова умертвят меня» [11, с. 215]. В приведенных примерах много лексических новаций эпохи, в том числе – «галантерейщик», «галантом, галантон»; «галантерейщик», 1765 г. – «хозяин галантерейной лавки, продавец галантереи; щепетильник»; «галантом», 1765 г. – от фр. “galant homme” – «светский человек; щеголь, преимущ. в щегольском жаргоне».

Комедии И.А. Крылова «Кофейница», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Пирог», «Проказники» также дают показательные примеры речевых партий петиметров, использования ими иноязычных слов в самых разных диалогических ситуациях. Так, *галломанствующая* помещица Новомодова в экспрессивных и даже бранных репликах широко употребляет заимствованную лексику: «О, проклятые лакеи; *дюжина* столовых ложек; ни на одной *бестии* живого места не оставлю; Я *шельму* вора в гроб прибью; *кофей*» [12, с. 19-25]. Да и само название этой комедии – просторечное слово «кофейница» («гадалка на кофейной гуще») – образовано от иноязычного слова «кофе». Его варианты – «кофей, кофь, кафе, кафа», от тур. “kahve” – «семена кофейного дерева; напиток из молотых кофейных зерен – кава»; «кофейница» – «сосуд для хранения кофе; простореч. и простонар. гадалка на кофейной гуще» [3]. Отметим, что этимология слова «кофе» – благородного напитка, входящего во вкусы дворян, довольно неоднозначна. Существует мнение, что первоисточником слова «кофе» могло быть арабское “qahwa” – «кофе»; «в русском языке «кофе» восходит, вероятно, к голл. “koffie” – «кофе», ср. также англ. “coffee” [13, т. 1, с. 436]. Попытки городского просторечия придать слову благообразный русский вид, считает исследователь В.В. Колесов, удались не совсем, и слово сохранилось без окончания – «кофе» [14, с. 168-169].

Многие писатели и поэты данного времени не решались употреблять его, а И.С. Тургенев в письме к А.А. Фету писал, что если невозможно обойтись без слов «карамель» и «кофе», то лучше употребите «марципан» и «баваруаз».

Таким образом, тексты русских комедий второй половины XVIII века дают нам четкое представление о смешном и странном жаргоне петиметров, портящем русский язык, а между строк драматических реплик звучит страстный призыв автора – беречь чистоту и богатство русского языка, употреблять иноязычную лексику не по «буйственному пристрастию», а «нужды ради».

Список литературы

1. Янковский М.О. Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. (вступление) // Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. Москва; Ленинград: Сов. писатель, 1964. С.18.
2. Клушин А.И. Смех и горе // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральные сочинений: в 43 ч. Ч. 40. Спб., 1793. С. 3-151.
3. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю.С. Сорокин; ред. Л.Л. Кутина (Вып. 1–18), Е.Э. Биржакова. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1984-2013. Вып. 1–21.
4. Сумароков А.П. Пустая ссора // Драматические сочинения. Л.: Искусство, 1990. С. 294-412.
5. Сумароков А.П. Мать – совместница дочери // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральные сочинений: в 43 ч. Ч. 12. Т. 9. Спб., 1787. С. 253-297.
6. Фонвизин Д.И. Бригадир // Фонвизин Д.И. Комедии. Л.: Худ. лит., 1971. С. 1-183.
7. Котяева Н.С. Иноязычная лексика в русской комедии XVIII века и ее лексикографическая интерпретация в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. // Современная русская лексикография: сб. ст. / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова. СПб.: Наука, 2011. С. 120-129.
8. Котяева Н.С. О стилистических функциях иноязычных слов в русской комедии второй половины XVIII в. // Виноградовские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.А. Золотова. Зарайск, 2014. С. 59-64.
9. Княжнин Я.Б. Чудаки // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральные сочинений: в 43 ч. Ч. 41. Спб., 1794. С. 2-147.

10. Лукин В.И. Мот, любовь исправленный. Награжденное постоянство. Сочинения и переводы В. Лукина. Спб., 1765. С. 1-150.
11. Лукин В.И. Щепетильник // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / сост. А.В. Корева. М.: Учпедгиз, 1956. С. 265-297.
12. Крылов И.А. Кофейница // Крылов И.А. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Худ. лит., 1946. Т. 2. С. 19-38.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1.
14. Колесов В.В. Язык города. Л.: Наука, 1991. С. 168-169.

References

1. Yankovskiy M.O. Stikhotvornaya komediya kontsa XVIII – nachala XIX v. (vstuplenie) [Poetry comedy of the end of XVIII – beginning of XIX century (preface)]. *Stikhotvornaya komediya kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Poetry Comedy of the End of XVIII – Beginning of XIX Century]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1964. (In Russian).
2. Klushin A.I. Smekh i gore [Laugh and Sufferness]. *Rossiyskiy featr, ili Polnoe sobranie vsekh rossiyskikh featral'nykh sochineniy* [Russian Theatre or Completed Edition of All Russian Theatral Essays]. St. Petersburg, 1793, part 40, pp. 3-151. (In Russian).
3. Kutina L.L. (ed. of vols. 1–18), Birzhakova E.E. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of Russian Language of XVIII Century]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1984–2015, vol. 1–21. (In Russian).
4. Sumarokov A.P. Pustaya ssora [Worthless quarrel]. *Dramaticheskie sochineniya* [Drama Essays]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1990, pp. 294-412. (In Russian).
5. Sumarokov A.P. Mat' – sovmeštitsa docheri [Mother as a daughter's rival]. *Rossiyskiy featr, ili Polnoe sobranie vsekh rossiyskikh featral'nykh sochineniy* [Russian Theatre or Completed Edition of All Russian Theatral Essays]. St. Petersburg, 1787, part 12, vol. 9, pp. 253-297. (In Russian).
6. Fonvizin D.I. *Komedii* [Comedies]. Leningrad, Khud. lit. Publ., 1971, pp. 1-183. (In Russian).
7. Kotyaeva N.S. Inoyazychnaya leksika v russkoy komedii XVIII veka i ee leksiko-graficheskaya interpretatsiya v Slovare Akademii Rossiyskoy 1789–1794 gg. [Foreign vocabulary in Russian comedy of XVIII century and its lexical and graphical interpretation in the Dictionary of Russian Academy of 1789-1794]. Myznikov S.A., Krylova O.N. (eds.). *Sovremennaya russkaya leksikografiya* [Modern Russian Lexicography]. St. Petersburg, Nauka, 2011, pp. 120-129. (In Russian).
8. Kotyaeva N.S. O stilisticheskikh funktsiyakh inoyazychnykh slov v russkoy komedii vtoroy poloviny XVIII v. [About stylistic functions of foreign words in Russian comedies of the second half of XVIII century]. Zolotova G.A. (ed.). *Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vinogradovskie chteniya»* [Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference “Vinogradovskie Readings”]. Zaraysk, 2014, pp. 59-64. (In Russian).
9. Knyazhnin Ya.B. Chudaki [Oddfellows]. *Rossiyskiy featr, ili Polnoe sobranie vsekh rossiyskikh featral'nykh sochineniy* [Russian Theatre or Completed Edition of All Russian Theatral Essays]. St. Petersburg, 1794, part 41, pp. 2-147. (In Russian).
10. Lukin V.I. *Mot, lyuboviyu ispravlenyy. Nagrazhdennoe postoyanstvo. Sochineniya i perevody V. Lukina* [Waster, Who Was Rectified by Love. Awarded Constancy. Essays and Works Made by V. Lukin]. St. Petersburg, 1765, pp. 1-150. (In Russian).
11. Lukin V.I. *Shchepetil'nik. Khrestomatiya po russkoy literature XVIII v.* [Chrestomathy of the Russian Literature]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, pp. 265-297. (In Russian).
12. Krylov I.A. *Polnoe sobranie sochineniy* [Completed Works]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1946, vol. 2, pp. 19-38. (In Russian).
13. Chernykh P.Y. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymologic Dictionary of Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1993, vol. 1. (In Russian).
14. Kolesov V.V. *Yazyk goroda* [Language of the City]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.
Received 10 January 2017

UDC 80

“JE VOUS JURE, MADAM? RUSSIAN LANGUAGE FOR ME IS JUST LIKE A GAG IN MY MOUTH...”
(ABOUT COXCUMBS AND THE WAY THEY SPOILED THE RUSSIAN LANGUAGE)

Nadezhda Sergeevna KOTYAEVA

Competitor of Russian Language, Russian and Foreign Philology, Journalism Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: el.kotyaeva@yandex.ru

Basing on the text materials of Russian comedies of the second half of XVIII century, pieces of the outstanding playwrights A.P. Sumarokov, D.I. Fonvizin, V.I. Lukin, I.A. Krylov, A.O. Klushin, D.I. Volkov, D.I. Khvostov and many others, gallomania is considered. It is proved that linguistic phenomenon gives a clear idea of funny and strange jargon of coxcumbs, and it spoils Russian language. And between lines of drama replicas there is an appeal of the authors to keep the integrity and richness of a language, to use foreign words not because of “impetuous favour” but for “need”. It is established that in XVIII century in different genres of comedies (lyric, lachrymatory, moralizing, antivilleinage, political and etc.) the malices of Russian reality were laughed – particularly coxcumbs were laughed at, because their favourite way of communication was to use Russian-French jargon, “to mix the Nizhny Novgorod dialect with French”, following the French fashion. It is stated that coxcumb jargon, which was widely used in the comedies of XVIII is a junction of codes or system code attraction which were characteristic features for jargon and the later periods (for example, modern hippy slang). The facts of the codes’ switch – foreign insertions should be distinguished from this phenomenon.

Key words: dramaturgy of XVIII century; gallomania; coxcumb language; speech culture; coxcumbs

Для цитирования: Котяева Н.С. «Je vous jure, мадам? что русский мне язык как будто кляп во рту...» (о петиметрах и их «порче» русского языка) // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 19-24.

For citation: Kotyaeva N.S. «Je vous jure, madam? chto russkiy mne yazyk kak budto klyap vo rtu...» (o petimetrakh i ikh «porche» russkogo yazyka) [“Je vous jure, madam? Russian language for me is just like a gag in my mouth...” (about coxcumbs and the way they spoiled the Russian language)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 19-24. (In Russian).